

Брок всегда оставлял ему лучшую на его взгляд женщину. И Баки всегда брал её первым, наклоняя и накидывая подол на голову, чтобы не видеть лица. И, как он считал, милосердно перерезал ей горло перед тем, как его люди выстраивались рядом, ожидая своей доли.

С мальчишкой всё было не так. Баки втащил его в шатёр за верёвку под улюлюканье мужей — и тут же развязал её, скинул с шеи. Он предложил ему пить и есть — потому что очень устал и не хотел брать его сейчас. Хотел только спать, спать несколько дней подряд. Но мальчишка молчал, только непонимающе зыркая на него из-под льняной растрёпанной чёлки. Глаза, как вода в ручьях у него дома, в горах — вот что подумал Баки тогда. Чистые и такие же холодные, обжигающие этим холодом. И мягкие, полные губы, каких Баки уже давным-давно не видел ни у кого. Настолько мягкие, что захотелось сжать их, ощутить тёплую податливую кожу под грубыми подушечками собственных пальцев, сдавить сильнее, чтобы он сморщился и застонал от боли. И от этих мыслей Баки наконец почувствовал прилив в паху. Его плоть оживала от подобных мыслей — а мальчишка всё стоял на коленях и смотрел на него ровно, молча, чуть повернув голову набок. Как не от мира сего. Словно до сих пор не понимал, зачем он тут.

Если бы Баки только знал. Он в пару шагов вернулся, взял за подбородок и правда попробовал пальцами эти губы на мягкость. И грубо растянул их, всунув между ними большие пальцы, заставляя открыть рот и оголяя удивительные, белые, как речной жемчуг, зубы. Его чресла налились кровью, жёсткий килт елозил по чувствительной плоти. Он задрал его, прижав подмышкой, и, грубо зафиксировав голову мальчишки в руках, сунув пальцы глубже между зубов, чтобы не думал закрыть рот, взял его. В мокрый рот, между прекрасных, мягких поалевших губ.

Баки не думал ни о чём, от всей души до упора натягивая эти губы на себя и освобождая, и натягивая снова. Они были прекрасны. Мальчишка хрипел и пытался отстраниться поначалу, чтобы поглубже вдохнуть. А потом обмяк... и больше не издал ни звука, только судорожно дышал. И только когда изливался, дрожа и хрипя от похоти, Баки чуть выше поднял глаза — и встретился с его холодным, ровным взглядом. И тот словно выморозил что-то внутри.

Обтеревшись о его гладкую девичью щёку, Баки поправил килт и, накинув петлю верёвки обратно на шею, вытащил мальчишку на улицу. Его тут же обступили нетерпеливо — Брок и другие мужи, ждущие свою долю. Баки оставил его там, а сам ушёл и бродил до самой ночи между костров, здороваясь с другими главами кланов, принимая кубки, вспоминая прежние битвы. И не чувствовал больше покоя. Сон покинул его. Наутро небо заволокли тёмные, тяжёлые тучи, и начался дождь, что лил днём и ночью и размыл дороги до того, что войско не могло двигаться дальше несколько дней. Кони вязли в этой грязи по бабки и не могли вытащить копыта. Тогда их и настигли наёмные отряды ирландцев. Они напали ночью, исподтишка, убив спящими едва ли не половину войска. Баки не спал и успел поднять своих людей, но это мало помогло. Их было много. Броку снесли голову одним из первых. Он, его учитель, сражался плечом к плечу и защищал до последнего вздоха. Все его мужи полегли, сражаясь с ирландцами вокруг под ледяными струями дождя. Они проиграли эту битву. Баки ещё надеялся обмануть судьбу, но в конце ему отрубили руку, кровь начала бить фонтаном — и боль была столь сокрушающей, что он растерялся на миг. И этого мига хватило, чтобы его втоптали в грязь, полоснули по горлу и так и оставили лежать. Его спасла кольчужная рубашка с высоким воротом — он остался жив.

Когда ни одного пикта, стоящего на своих двоих, не осталось на поле, и ирландцы принялись

собирать тела своих и оттаскивать куда-то, куда Баки не видел с того места, где он лежал — тогда дождь закончился.

Тучи ушли так же быстро, как и налетели — словно усталые рыбаки растащили свои сети. Они оставили за собой серое непроглядное небо, и солнце не собиралось показываться в этих землях. Но дождя больше не было.

Как не было больше малого войска пиктов, шедшего вдогонку большому.

Его губ коснулся грубый керамический край горшка. Он был горячим и обжигал, и несло из него тошнотворной болотной вонью. Баки поднял глаза — и встретился с внимательным взглядом друида. Мальчишки... И плотнее сжал губы.

Друид смотрел на него с той же непонятной Баки отчуждённостью. Только что-то в глазах чуть изменилось. Он уверенно зажал ему нос ледяными костлявыми пальцами, не торопясь дождался, когда Баки, задыхаясь, начнёт хватать ртом воздух, и влил в него своё дрянное ведьмаческое пойло. Оно прокатилось до самого желудка огненным шаром, и Баки пытался разодрать кожу под нагрудником пальцами, надеясь унять боль. Не помогло. Посмотрев на него ещё немного, друид моргнул, словно с чем-то соглашаясь — и перешёл дальше по поляне, к гэлу. Тот принял пойло с молчаливой безропотностью, пуча на мальчишку свои рыбы глаза.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://erolate.com/book/3459/83603>